

СТЕНА человеческая

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

ИСИКАВА ТАЦУДЗО

Исикава Тацудзо¹ — крупный прогрессивный японский писатель, первое литературное произведение которого — роман «Обездоленные» — было еще в 1935 году удостоено литературной премии имени Акутагава. Сейчас писателю 55 лет, и он находится в расцвете творческих сил. В Японии он известен не только как писатель-реалист, но и как активный борец против «договора безопасности», превращающего Японию в военную базу американской агрессии, борец за мир, за независимость Японии, за восстановление нормальных культурных, экономических и дипломатических отношений с КНР. Он написал песню «Мир Азии!», музыку к этой песне сочинил Киносита Тюдзи. Впервые эта песня была исполнена участниками «национального собрания, требующего отмены «договора безопасности» и отставки кабинета Киси» в мае 1960 года.

Советский читатель знает Исикава по его роману «Тростник под ветром» в переводе И. Львовой. Роман «Стена человеческая», написанный в 1958 году, переведен на русский язык В. Константиновым. Это роман о борьбе японских учителей за демократическое просвещение, за миролюбивую Японию. В произведении широко и ярко показана жизнь учителей, их работа. Появление этого романа ознаменовало новую ступень в творчестве Исикава Тацудзо — четкий переход от пассивности, аполитичности, буржуазного индивидуализма к признанию необходимости коллективной борьбы, важности массового движения. «Стена человеческая» помогает простым людям в их тяжелой борьбе, и не удивительно, что роман привлек массу читателей. Созданный на его основе фильм в двух сериях также пользуется в Японии заслуженной известностью. К чести Исикава следует отметить, что он, несмотря на заманчивые предложения крупных кинофирм, предоставил право экранизации романа небольшой группе прогрессивных работников кино, что дало возможность правдиво передать на экране дух и содержание романа.

¹ Здесь и в переводе сохранен японский порядок написания имен, то есть на первом месте стоит фамилия, затем — имя.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПЕЧАЛИ

ТАК и не сказав ни слова, муж ушел. Фумико не знала, что ей делать, и сидела за своим столиком, закрыв лицо ладонями. Она даже не пошевелилась, когда услышала стук захлопнувшейся за ним калитки. Между ее пальцами ручьем текли слезы.

Семья родителей Кэнъитиро жила в горах, примерно в часе езды на автобусе. Наверное, он уехал туда, подумала Фумико. Но ведь развод пока не оформлен. Она все еще надеялась... Чтобы окончательно, по-настоящему разойтись, должен же он хотя бы еще раз прийти сюда.

Комната показалась ей огромной, и она не могла найти себе места, не знала, куда сесть. За сёдзи², в саду цветут азалии, цветет сиреневая магнолия. Весь коридор-веранда пронизан солнечными лучами. Доносится пение соловья. Но все это производит впечатление чего-то нереального, призрачного. «Неужели и наше супружество было таким же призрачным?» — подумала она. Ей казалось, что теперь она испила до дна всю горечь человеческой жизни.

После обеда учительница Синода Фумико оделась и вышла из дому. Ей было тяжело оставаться в опустевшем, покинутом мужем доме. Вместе с тем ей хотелось воспользоваться свободным временем, чтобы навестить ученика, переставшего ходить в школу. Она уже давно беспокоилась о нем.

Школьника звали Канаяма Акио. Место жительства в списке значилось просто: город Цудаяма, Фурухама. Номер дома указан не был. По «Кратким записям для руководства» было известно, что его отец Канаяма Торадзи — безработный, мать умерла, было два брата, но оба умерли.

В писчебумажном магазине Фумико купила две тетради, два красных карандаша и завернула все в виниловый платок. Взяв покупки под мышку, она пересекла улицу и перешла железнодорожный переезд недалеко от вокзала. Переезд шел через де-

² Сёдзи — легкие раздвижные внутренние стены дома, выходящие на веранду и обтянутые бумагой.

сяток рельсовых путей, по которым взад и вперед ходили маневровые паровозы, сортируя вагоны для железнодорожных составов. Сторожа у этого опасного места не было. А дети, живущие в районе морского побережья, должны были переходить этот переезд каждый день утром и вечером, по дороге в школу и обратно.

Фумико пересекла недавно проложенное широкое префектуральное шоссе, прошла через пустырь, и до нее донесся шум ветра, который дул с моря сквозь сосновую аллею на берегу. Между изогнутыми стволами сосен показалось сверкающее на солнце море.

Когда она вышла на морской берег, ее вдруг охватило чувство невыносимого одиночества. «Совсем одна, совсем одна», — шептала она про себя. Ей хотелось пожаловаться на свое одиночество и морю, и песку под ногами, и сияющим белизной облакам, плывущим над головой.

С трудом шагая по песку, она пошла на восток, в сторону небольшого мыса. Она не знала, где живет ее ученик, но это ее не беспокоило. Стелясь по сухому песку, вились лозы берегового вьюнка. Местами торчали чахлые пучки морской осоки. Ни лодок, ни сетей, лишь широко раскинулась светлая песчаная отмель. В одном месте по ней протекал небольшой ручей. Около него играли два мальчика. Их руки были полны ракушек. Когда Синода Фумико подошла к ним, старший мальчик молча поклонился. Его лицо показалось ей знакомым.

— Ты из какого класса? — остановившись, спросила она.

— Из шестого...

— Из училища Восточного района?

— Да.

— Собираете ракушины?

— Угу...

Она заметила, что сегодня с утра в первый раз разговаривает с человеком.

Пройдя шагов десять, она обернулась:

— Послушай, ты не знаешь Канаяму из пятого класса?

С моря дул упругий ветер. Мальчик встал, не выпуская из рук ракушек.

— Канаяма? Это, наверно, Аки-тян?³

— Аки-тян? А-а, да, да, Канаяма Акио.

— Знаю.

— Знаешь?.. А где он живет?

— Вон там, — ответил мальчик и обеими руками указал в сторону отвесной скалы мыса.

Она повернулась и посмотрела туда, но в той стороне не было ни одного дома. Мыс походил на небольшую гору, выступающую в море. Он представлял собою голую белую скалу, к вершине которой жалось десятка два-три искривленных сосен.

— Где там? По ту сторону мыса?

— Нет, не по ту сторону.

— Но ведь с этой стороны нет никаких домов. Тогда мальчик, немного замямвшись, сказал:

— Может, вас свести к нему?

Оставив ракушины второму мальчику, по-видимому, младшему брату, он пошел впереди учительницы. Ступни босых ног мальчика, смело шагавшего по песку, были белые и чистые.

— Канаяма совсем не ходит в школу. Ты не знаешь, почему?

— Знаю, — сказал мальчик, повернувшись к ней.

— Почему?

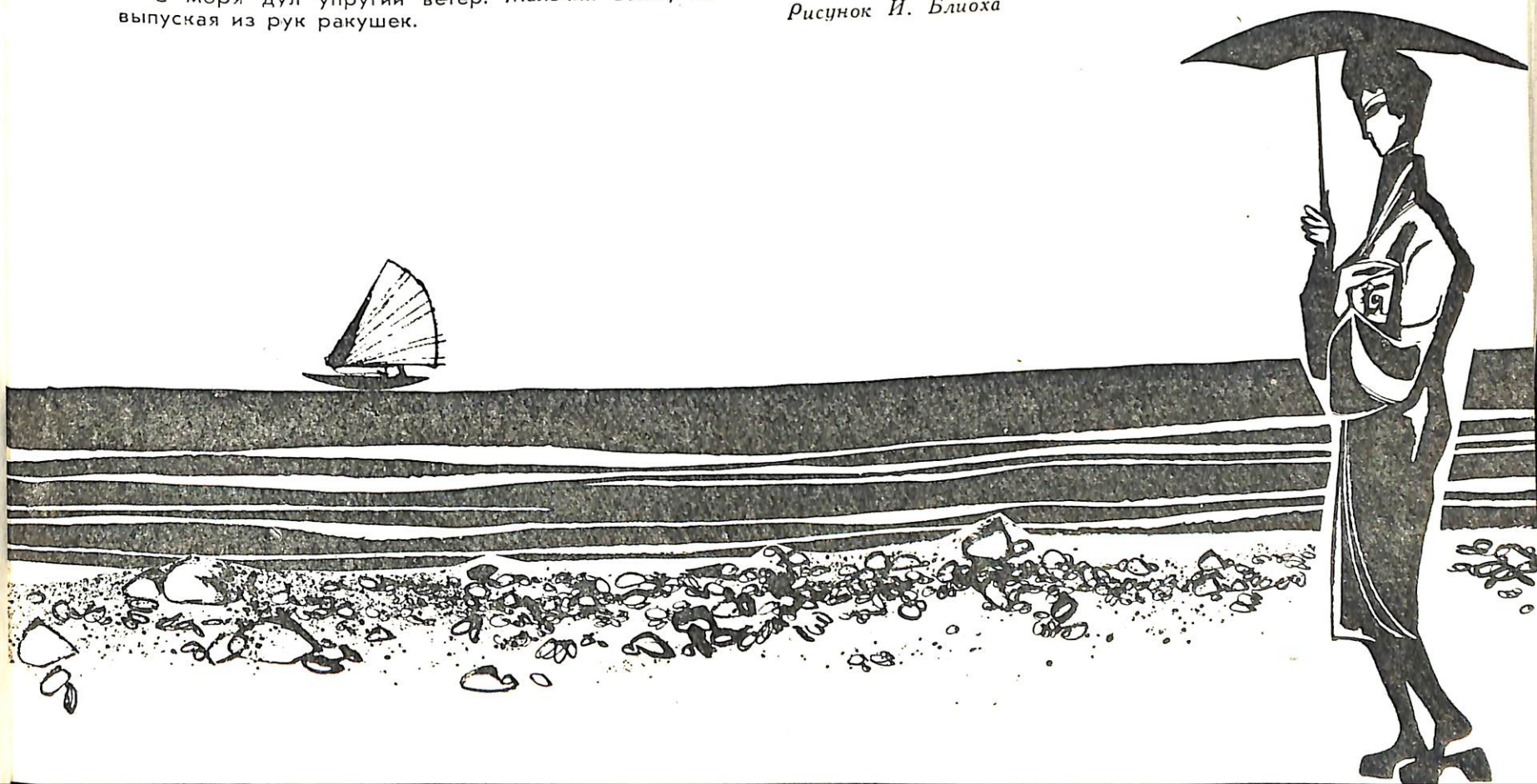
— У него нет тапочек!

Ей показалось, будто ее неожиданно ударили в грудь. Тапочки... Неужели такой пустяк может мешать учебе? Нет, дело было не в тапочках. Вернее всего, Канаяма Акио на вопрос своего товарища шестиклассника, почему он не ходит в школу, ответил, что не может ходить потому, что у него нет тапочек. Он сказал первое, что пришло ему в голову. Дело было, конечно, не в тапочках.

Мальчик привел учительницу к началу мыса, откуда он уходил в море. На мысе не было ничего похожего на дом. За отвесной стеной горы, в том

³ Тяч — ласкательная приставка к имени.

Рисунок И. Блиоха

месте, где скала образовала небольшую впадину, под ее складкой был вход в небольшую пещеру. У входа стояла маленькая жаровня, заржавевшая банка из-под бензина и валялся кусок циновки. Остановившись метрах в десяти от пещеры, мальчик показал на нее пальцем:

— Вон там...

Синода застыла на месте. У нее было такое ощущение, будто ей за ворот вылили холодной воды. Жить в пещере на берегу солнечного моря... Но ведь это ничем не отличается от жизни пещерного человека пятьдесят тысяч лет назад!

Поблагодарив, она отпустила своего провожатого. Ей потребовалось немало мужества, чтобы подойти ближе к пещере. Да нужно ли образованию мальчику, который живет такой жизнью? Может быть, раньше, чем говорить об образовании, надо изменить условия его жизни? Хорошо ли в самом деле насильно заставлять ходить в школу ребенка, который живет в таком месте, куда не дотягивает рука просвещения? Сделав еще несколько шагов, она увидела внутренность пещеры. В пещере сидел на циновке голый мужчина. Он заметил ее и внимательно следил за ней блестящими глазами. Его кожа дочерна загорела на солнце, на истощенном теле торчали кости. Сколько ему лет, было трудно определить.

— Извините, — сказала учительница, дрожа от страха. — Господин Канаяма здесь живет? Я учительница начального училища, мальчик из моего класса...

Мужчина некоторое время удивленно молчал, раскрыв рот. Потом вдруг спохватился, вскочил, повязал фундоси⁴, какие обычно носят рыбаки, затем скрылся в глубине пещеры и сразу же появился, натягивая грязную рубашу. Быстро стряхнув с циновки песок, он расстелил ее перед учительницей и сказал:

— Прошу, пожалуйста!..

Вблизи оказалось, что пещера настолько глубока, что внутри было темно и почти ничего нельзя было рассмотреть. Чтобы закрывать входное отверстие пещеры, была устроена деревянная дверь. Виднелась постель, из которой клочьями торчала вата. Стоял котел.

— Скажите, а Акио сегодня... — начала было она.

— Акио скоро придет. Он пошел вон туда, добыть чего-нибудь...

Мужчина говорил мягким тоном и так вежливо, что было трудно поверить, что этот человек ведет пещерную жизнь. Он сел на песок, скрестив ноги. Учительница тихонько опустилась на циновку, согнув и откинув ноги вбок.

Сидя так, она видела, что с севера пещеру защищала скала, с юга она вся была залита солнцем, а по ту сторону белого песчаного взморья широко раскинулось сапфировое море. Такова была «гостиная» семейства Канаяма на песке под отвесной скалой.

Опустив голову с длинными взлохмаченными волосами, мужчина сказал:

— Что, я должен посылать его в школу? Извините, пожалуйста, вы сами видите, как мы живем.

После этого ей пришлось выслушать объяснения отца Акио. Она сидела под яркими лучами солнца; низко над их головами летал коршун, то и дело сбиваемый ветром. Песок жег даже через циновку, как будто Синода сидела на грелке.

Отец Акио Торадзи был шахтером на каменноугольных копях в Цудаяма. Он был одним из тех, кто добровольно пошел в «отряды самопожертвования», созданные во время войны в целях «служения государству в угольной промышленности». Он рассказал, как ему приходилось иногда работать по шестнадцать часов подряд, не выходя из шахты.

Через несколько лет после окончания войны каменноугольную промышленность охватил кризис. И на Кюсю, и в Токио, и на Хоккайдо количество безработных непрерывно росло. Наконец и отец Акио лишился работы, и его вышвырнули из барака для шахтеров. Он должен был переходить с одной случайной работы на другую и в конце концов с весны прошлого года был вынужден поселиться в этой пещере.

Последствия войны повсюду давали себя знать. Собственно, страдала беднота, она никак не могла оправиться от ударов войны. Таких семейств, как это, в Японии, несомненно, несколько миллионов. И какой-то процент детей из таких семей бросает школу и оказывается не охваченным обязательным образованием.

Недалеко от взморья находились трущобы, в которых ютилось еще до пятидесяти семейств бедняков. Это были преимущественно семьи безработных, лишившихся работы на Цудаямских копях. Каменноугольная промышленность, эта важнейшая промышленная артерия Японии, развиваясь, оставляет на своем пути, как ненужные отбросы, миллионы безработных и тысячи трущоб.

— Каменноугольные шахты — жестокая вещь, — говорил Канаяма Торадзи. — Большая часть рабочих на них из местных жителей. С работы увольняются в первую очередь вторые и третьи сыновья. Ведь они, может быть, и смогут уйти куда-нибудь в другое место и найти работу с лучшими условиями. А на старшем сыне лежит ответственность за всю семью, он никуда не может двинуться и вынужден терпеть и работать здесь даже за более низкую плату. Обычно у каждой семьи есть клочок земли, и, по-видимому, некоторым это помогает кое-как перебиваться. По этим же причинам старшие сыновья и в забастовках не участвуют.

Вот взять меня: имей я хоть какое-нибудь образование, так, может быть, куда-нибудь бы и устроился. А я не смог получить никакого образования и уже ничего не могу поделать. И моя мечта — чтобы хоть мой сын мог ходить в школу. Мне хочется сделать что-то для него, чтобы потом его не одолевали такие же горькие мысли, как меня. Сейчас каждый человек должен иметь образование.

Синода была поражена: ведь он же все понимает. Все понимает — но что же ему делать? Они не смогут существовать, если сын не будет работать. Вот еще доказательство того, как необходим специальный вечерний класс.

Пробираясь вдоль скалистого выступа мыса, шел голый мальчик. Он был мал ростом, но крепкий и сильно загорелый. В одной руке у него была сетка, в которой, как в мешке, лежало десятка три разных рыбешек и моллюсков, в другой он держал гарпун, которым ловил рыбу. На шее мальчика болтались подводные очки.

Это был Канаяма Акио. Хоть ростом он и мал, но, видимо, как рыбак не уступает другим. Выражение лица уверенное и замкнутое, как у взрослого. Когда отец позвал его, он, как был голый, так и уселся перед учительницей. С его мокрых волос стекали капли воды.

С болью в душе смотрела учительница на отца с сыном. Никогда в жизни не видела она такой ни-

⁴ Фундоси — набедренная повязка, заменяющая трусики.

щеты: они не умирали только потому, что были здоровы и выносливы. В пещере, служившей им жильем, ничего не было, кроме циновки, на которой они спали, одеяла, чтобы укрываться, котла для варки пищи и каких-то немудреных снастей для ловли рыбы и моллюсков. Ни правительственные организации по улучшению благосостояния народа, ни организации здравоохранения не простирали сюда своей руки. Эти два человека владели своей одинокой жизнью так далеко от правительства и от общества, далеко от всей Японии. Они жили, как какие-то робинзоны.

Синода протянула Акио тетради и карандаши, завернутые в виниловый платок, и ласково сказала, чтобы он приходил в школу хотя бы в те дни, когда нельзя работать на море. А в скором времени, вероятно, будут организованы вечерние занятия, так чтобы их он обязательно посещал.

Однако надежды на это у нее не было. Едва ли этот мальчик будет ходить в школу. Когда голодаешь — не до науки.

Попрощавшись, учительница встала. От пребывания в этой «гостинице» на песчаном взморье под скалой, от ярких лучей солнца она почувствовала себя разбитой.

Она шла одиноко по песчаному берегу моря. В туфли набивался песок. Жмурясь от ослепительного солнца, Фумико шла и думала, как бороться с бедностью, — это большой вопрос для просвещения в наши дни. Бедность повсюду: нищета учащихся, бедность учителей. Жалкие ассигнования на школы, бедность комитетов просвещения и городских управ. Бедность министерства просвещения... Школьные здания гниют и валятся на бок. Школьного оборудования не хватает. Учебных пособий не хватает. Кругом бедность и нищета.

А между тем никто не сочувствует этому. Говорят, что знания у школьников ухудшаются. Говорят, что процент учащихся в старших классах падает. Говорят, что учителя манкируют занятиями. Родители недовольны и жадно требуют, чтобы образование было совершенным, а учителя безупречными.

Сквозь шум порывистого ветра Синоде послышалось, что кто-то зовет ее: «Сэнсэй, сэнсэй!»⁵

Но кто мог окликнуть ее на этом пустынном, песчаном взморье? И она продолжала идти, погрузившись в свои думы. Но вот снова, уже совсем близко послышалось:

— Сэнсэй, сэнсэй!

Обернувшись, она увидела, что за нею бежит, взрывая босыми ногами песок, тот голый мальчик. Она остановилась.

Подбежав к ней, мальчик спросил:

— Занятия в школе утром когда начинаются?

Надо было ей раньше сказать ему это.

— С восьми часов. Каждый день... Ты сможешь приходить?

Мальчик непонятно кивнул головой и, повернувшись к ней маленьким голым задом, побежал обратно. В его маленькой фигуре даже на этом широком просторе моря чувствовалась сила.

В понедельник в союзе работников просвещения префектуры С. были объявлены результаты выборов в профсоюзные органы. Синода Фумико узнала об этом от председателя местного комитета Такэгоси.

— Да, жаль, что так получилось, — сказал он. — Ну, ничего, на будущий год ваш супруг снова выставит свою кандидатуру.

А ее муж как ушел вчера утром, так больше

и не появлялся. Взял с собой даже повседневную домашнюю одежду. На выборах Кэнъитиро собрал вдвое меньше голосов, чем председатель комитета Есидзава.

Фумико не могла привыкнуть к мысли, что муж не вернется. Она все еще надеялась, что это окажется ничего не значащей супружеской ссорой. Однако прошло три дня, потом пять, а Кэнъитиро не приходил. Все это время она жила в постоянном ожидании. Работа валилась из рук. Это были такие отвратительные дни.

Неделю спустя, в понедельник, когда она вечером пришла домой из школы, Кэнъитиро писал за столом письмо. Он сидел, одетый в европейский костюм, который дома обычно снимал. При виде такой знакомой большой фигуры мужа она почувствовала, как у нее заныло в груди.

— Здравствуйте, — сказала она еле слышно.

Муж бросил быстрый взгляд в ее сторону, но ничего не сказал. Она молча переоделась. В это время по коридорчику, ведущему из главного здания в пристройку, где жила она, пришел хозяин аптеки Аоки.

— Синода-сэнсэй, вы дома? — громко спросил он.

Фумико не успела ответить, как Кэнъитиро, положив перо, вышел в коридор. Хозяин аптеки говорил так громко, что ей все было слышно.

— Я по тому же делу. Сейчас звонил господин Араи. Он говорит, что будет сегодня и завтра в гостинице «Путаиз» в городе С. Он готов встретиться с вами, если у вас будет рекомендация. Я могу дать вам свою визитную карточку. Может быть, сходите? Он человек общительный и обязательно примет вас.

Фумико быстро взяла корзину для покупок и сунула в карман кошелек. Она решила приготовить сегодня ужин повкуснее и угостить мужа. «Пожалуй, сделаю суп из рыбы, а на второе — что-нибудь мясное», — думала она. Надев простые туфли без каблучков, она вышла из дому. Уже начинало смеркаться.

По дороге она вспомнила слова хозяина аптеки. Они почему-то не давали ей покоя. Из них можно было понять, что муж ее берет у хозяина аптеки визитную карточку с рекомендацией, чтобы встретиться с господином Араи. Араи был депутатом парламента от здешнего избирательного участка. Он был одним из столпов Консервативной партии. А хозяин аптеки был одним из руководителей организации, поддерживающей Араи. Зачем муж идет к нему?

Купив продукты, Фумико радостная вернулась домой. Она подумала, что если они поужинают с мужем и вместе проведут ночь, то сами собою восстановятся их супружеские отношения. Как говорит пословица, «после дождя земля тверже становится», может, и они после ссоры станут дружнее и поймут друг друга, — втайне надеялась она.

Войдя во двор, она увидела, что в комнатах темно. Обувь мужа в прихожей не было. За каких-нибудь двенадцать-тринадцать минут, пока ее не было, муж ушел. Она включила электричество и осмотрелась. Он не оставил ни записки, ничего. «Какое жестокое у него сердце», — с болью в душе подумала она, и все сидела и сидела сиротливо одна.

Фумико прождала до девяти часов, но Кэнъитиро так и не пришел. Поджарив мясо, она уныло села за стол.

(Продолжение следует)

Перевел с японского
В. Константинов

⁵ Сэнсэй — обычное обращение к учителям; употребляется и самостоятельно, и как приставка к имени.